

Сы Цзинчжоу вышел из лавки, держа в руках сверток с пирожными из османтуса.

— Молодой господин, как успехи? — Линьфэн, заметив его, приподнял полог кареты, готовясь помочь ему забраться внутрь.

— А что удалось выяснить? — вместо ответа спросил Сы Цзинчжоу.

Линьфэн на мгновение замешкался, соображая, что речь идет о владельцах кондитерской и аптеки «Аньхэ», а затем ответил:

— Пока никаких результатов.

Лицо Сы Цзинчжоу помрачнело. Молча кивнув, он сел в карету и принялся обдумывать только что состоявшийся разговор. Он был уверен: Чжан Хуань — не настоящий хозяин. Слишком уж почтительным был тон, слишком подбострастным поведение — так ведет себя управляющий, а не владелец. К тому же он сказал: «Это наше решение». Стал бы настоящий хозяин употреблять слово «мы», говоря о собственном решении? Кто эти «мы»? Сы Цзинчжоу не верил, что хозяин стал бы советоваться с приказчиком. Скорее всего, Чжан Хуань просто один из сотрудников. Но зачем ему притворяться владельцем? Хозяин не хочет показываться на глаза? Или есть иная причина?

Тем временем, проводив Сы Цзинчжоу, Чжан Хуань вернулся в соседнюю комнату. Чжао Луинь уже доела пирожные и теперь смотрела в окно — если быть точным, на карету Сы Цзинчжоу. Она не ожидала, что он придет сюда с проверкой, ведь дело уже закрыто, но, поразмыслив, решила, что для Сы Цзинчжоу такое поведение вполне естественно.

— Он наверняка заподозрил, что ты не настоящий хозяин, — глядя в окно, произнесла она невпопад.

Чжан Хуань замер. Его поразило не содержание слов, а то, что он впервые осознал, насколько плохая в этом доме звукоизоляция. Он ведь постоянно обсуждал здесь дела с хозяйкой, неужели всё было слышно?

Что ж... подозрения Сы Цзинчжоу действительно были обоснованы. На самом деле, это она подслушивала, прижавшись к стене. Голос Сы Цзинчжоу было трудно спутать с чьим-то другим.

— Да неужели... — Чжан Хуань был уверен, что отвечал безупречно.

Чжао Луинь указала на ошибку:

— Твой тон. Слишком уж ты был почтителен. Кондитерская «Сы» — известное в столице заведение, владелец не стал бы вести себя так, как ты.

Чжан Хуань был управляющим и привык к определенной манере общения, поэтому даже при самых правильных словах его тон неизбежно выдавал истинное положение дел.

— И что теперь делать? — занервничал Чжан Хуань.

— Ничего страшного, — небрежно бросила Чжао Луинь. — Он наверняка придет еще раз. В следующий раз я встречу с ним лично.

Поместье Сы.

— Хм? Ацзин, почему ты вернулся с покупками? — Лю Инъяо, увидев в руках сына сверток, удивилась, а затем, что-то вспомнив, улыбнулась.

Сы Лухэ, подумав о том же, подшутил:

— Матушка, наверное, какая-нибудь незнакомка подарила ему.

Сы Цзинчжоу с детства был хорош собой, его даже порой принимали за девушку. Хотя и Лю Инъяо, и Сы Чжэнфэн были красивы, внешность Сы Цзинчжоу выделялась еще ярче. Поэтому он с малых лет пользовался успехом у дам — от младенцев до почтенных старушек. О, теперь он стал нравиться и мужчинам — взять хотя бы Пэй Ци.

Сы Лухэ тихо усмехнулся, но тут же поймал на себе ледяной взгляд брата.

— Это не подарок. Купил по пути, говорят, очень вкусно. Решил дать матушке попробовать.

В их доме не жаловали покупные сладости, предпочитая то, что готовили на собственной кухне. Опустив глаза, он развернул сверток и протянул его Лю Инъяо.

— Раз даешь матери, неужели отцу не предложишь? — Сы Чжэнфэн слегка кашлянул, недвусмысленно глядя на угощение.

— Ну что ты за человек, ревнуешь как ребенок, — Лю Инъяо закатила глаза, сунула мужу кусок пирожного и взяла себе еще один.

— М-м? Это же пирожные с османтусом... — пробормотала она, откусила кусочек и вдруг замерла.

Без всякого предупреждения глаза Лю Инъяо покраснели, и слезы покатались по щекам. Трое

мужчин в испуге вскочили.

— Матушка! / А-Яо! Что с тобой?

— Это... эти пирожные... они точь-в-точь как те, что делала Цзиншу. Здесь добавлен корень рога, я не могу ошибиться... — Лю Инъяо разрыдалась.

Цзиншу...

Все трое притихли. Лю Цзиншу была двоюродной сестрой Лю Инъяо. Семья Лю славилась врачами, поэтому детей с малых лет обучали медицине. Цзиншу была тихой, а Инъяо — живой; они дополняли друг друга и стали неразлучны. Когда пришло время выходить замуж, семьи договорились о помолвках: Цзиншу предназначалась старшему сыну семьи Сы, а Инъяо — младшему сыну генерала Чжао. Но из-за нелепой ошибки они перепутали женихов: Цзиншу полюбила Чжао Цзиньчэна, а Инъяо — Сы Чжэнфэна. Так они и обменялись сужеными.

Позже Цзиншу уехала с семьей Чжао на границу, а Инъяо осталась в столице, и они общались лишь письмами. А потом случился скандал с наследным принцем, семью Чжао обвинили в сговоре с врагами и казнили. В тот день Лю Инъяо слегла, и в доме Сы с тех пор было строго запрещено упоминать семью Чжао.

— Цзиншу была очень умной, знала множество трав. Она любила экспериментировать и часто добавляла лекарственные растения в сладости... — Лю Инъяо, вытирая слезы, схватила Сы Цзинчжоу за руку. — Ацзин, где ты их купил?

Сы Цзинчжоу, глядя на мать с тревогой, медленно ответил:

— В кондитерской «Сы»...

Кондитерская «Сы»... Сы Лухэ нахмурился:

— Кажется, я слышал об этой лавке. Кто-то даже спрашивал меня, не наша ли это собственность.

Но внимание Сы Цзинчжоу было сосредоточено на другом.

— Матушка... а корень рога, какие у него свойства?

— М? — Лю Инъяо удивилась такому вопросу, но ответила: — Я помню, что он питает организм и полезен для красоты...

— А, — голос Сы Цзинчжоу стал напряженным, — может ли он быть смертельным в сочетании с чем-то?

— Что за вопросы ты задаешь? — нахмурился Сы Чжэнфэн, а Сы Лухэ тут же отложил пирожное.

Лю Инъяо в недоумении посмотрела на сына:

— Насколько я помню... нет. Напротив, он может служить противоядием.

— Вот как... — взгляд Сы Цзинчжоу потускнел.

Даже если бы это было ядом, Чэнь Ли не ел пирожных перед смертью.

— Зачем ты спрашиваешь? Что случилось? — Сы Лухэ вдруг кое-что вспомнил: — Говорят, молодой господин Чэнь любил пирожные из этой лавки... Неужели дело в них? Они отравлены?

Сам же и опроверг свои слова: нет, это невозможно, лавка слишком известна, если бы с товаром было что-то не так, это давно бы стало достоянием общественности.

Сы Цзинчжоу погрузился в глубокие раздумья, когда к нему подошел Линьфэн:

— Молодой господин, вернулся человек, которого мы посылали собирать информацию.

Сы Цзинчжоу тут же вскочил:

— Я ухожу!

Бросив эту фразу, он поспешно вышел.

— Ты хочешь сказать, что ничего не нашел?

— Владелица кондитерской — некая госпожа Чжао, но выяснить, кто она, не удалось. Все формальности при открытии лавки улаживал Чжан Хуань.

— Чжао? — Сы Цзинчжоу нахмурился. — Фамилия Чжао... совпадение? А больше ничего?

— Нет, она очень хорошо прячется. Остальные сотрудники говорят, что никогда не видели хозяйку, всеми делами заправляет Чжан Хуань.

— А что с аптекой «Аньхэ»?

— Это наследное дело семьи Лу. Десять лет назад Лу Сылинь принял лавку от отца. Дела шли плохо, она почти разорилась, и только пять лет назад пошли в гору. И еще... молодой господин, есть кое-что еще. Пять лет назад умерла жена Лу Сылиня, и, кажется, причиной тому стал младший господин Чэнь.

— Что?! — Сы Цзинчжоу резко изменился в лице. — Информация точная?

— Весьма вероятно.

Весьма вероятно... Сы Цзинчжоу сидел в кресле, глядя в пустоту.

— Продолжай слезку.

— Слушаюсь.

Луна поднялась над деревьями. Сы Цзинчжоу сидел во дворе, позволяя листьям падать на плечи. Он закрыл глаза, сливаясь с ночной тишиной, но в душе его бушевала буря. Люй Мэнку ходил в поместье Чэнь — пепел в курильнице кто-то предусмотрительно высыпал. Значит, смерть Чэнь Ли, скорее всего, связана с этим благовоением. А сам Чэнь Ли был лишь пешкой. Может быть, за спиной Лу Сылиня кто-то стоит? Кто-то, кому он помогает отомстить, выполняя взамен поручения? Кто этот человек? И кто такая госпожа Чжао?

Дом пьяных бессмертных.

Цзян Ханьчжу закончила умываться, с ее волос все еще капали капли воды. Она убрала пряди за уши и заперла окна и двери. Прислушавшись и убедившись, что вокруг тихо, она подошла к кровати и приподняла доски. Под ними обнаружилась потайная дверь, приоткрытая для вентиляции.

Она спустилась по лестнице. При строительстве дома удалось выкроить небольшое скрытое помещение так, что снаружи никто не заметил бы несоответствия в размерах здания.

Цзян Ханьчжу ступила на пол и встретила взглядом с человеком внизу.

— Ханьчжу... — конечности пленника были скованы цепями, волосы давно не стрижены и скрывали большую часть лица, но глаза ярко сияли, глядя на нее.

Цзян Ханьчжу почувствовала тяжесть на душе. Она вовсе не хотела быть такой жестокой, но этот безумец сам твердил: Раз уж ты хочешь держать меня в заточении, то прикуй меня.

Она глубоко вздохнула и постаралась придать голосу спокойствие:

— Цин Цзе... Я пришла выпустить тебя.

Не успела она договорить, как цепи зазвенели. Цин Цзе опустился на колени, тяжело дыша, и вцепился в металл. Его лицо выражало полное смятение.

— Ты... ты хочешь бросить меня? Ты хочешь меня оставить? Ты...

Стоило завести об этом речь, как Цин Цзе терял самообладание. Цзян Ханьчжу боялась, что он набросится на нее.

— Ты? Как ты меня назвал? — голос Цзян Ханьчжу стал ниже, в глазах мелькнул холод.

Цин Цзе замер, постепенно успокаиваясь, и через некоторое время прошептал:

— ...Хозяйка.

Цзян Ханьчжу внешне оставалась невозмутимой, но внутри облегченно выдохнула:

— Я не бросаю тебя. Мне нужна твоя помощь. У Лю Цзюя есть тайная стража, записывающая все контакты чиновников. Я хочу, чтобы ты проник в их ряды и разузнал информацию.

Она уже выяснила, что Лю Цзюй для отбора стражников построил подземную арену, где победителей накачивали наркотиками, заставляя работать на себя. А победители были и рады — работа непыльная, кормят, поят, нужно только следить за людьми.

В комнате было тихо. Цзян Ханьчжу подождала ответа.

— Отвечай?

— ...Слушаюсь, хозяйка.

Цин Цзе встал, легко сбросив цепи — словно все это время он играл с ней в игру. Цзян

Ханьчжу едва не рассмеялась от ярости.

— Если... я справлюсь хорошо, будет награда? — Цин Цзе подошел к ней вплотную, глядя на нее волчьим взглядом, и начал наматывать на палец прядь ее волос.

Движение было двусмысленным и агрессивным. Цзян Ханьчжу затаила дыхание, нервно теребя пояс.

— ...Сделаешь хорошо — тогда и проси.

Сказав это, она бросила ему флакон:

— Это противоядие. Прими его в течение часа после того, как выпьешь зелье Лю Цзюя.

— Хорошо...

Порыв ветра — и она поняла, что Цин Цзе ушел. Цзян Ханьчжу без сил опустилась на пол.

Она обязательно потребует с Чжао Луинь компенсацию за моральный ущерб! Когда она искренне предложила помощь, нормальный человек был бы благодарен, а эта... на словах верит в ее искренность, а на деле первое же задание — укротить Цин Цзе.

Проклятая девчонка! Еще и говорила: Это же сущая мелочь для тебя, ты же не хочешь видеть, как я мучаюсь? Мы же сестры! А сестры должны помогать друг другу.

Ха! Если она еще раз ей поможет, пусть ее фамилия не будет Цзян.

Хотя... она и так не Цзян.

<http://bllate.org/book/19166/1881876>